Презентация темы Конгресса NLS 2027

Эрик Зулиани

Фантазматические сценарии

Предлагаю нам посвятить этот год фантазматическим сценариям.

Это клинический подход к вопросу о фантазме, который занимает в нашем поле парадоксальную позицию: мы редко его упоминаем — как в ходе аналитического опыта, так и на наших мероприятиях; отметим, однако, недавний выход номера *La Cause du désir* под названием *«Фантазм»*. Если фантазм приобретает такую важность в конце анализа, когда мы говорим о его пересечении, то в какой форме он предстаёт в ходе аналитической работы и какова его функция?

Мы будем отталкиваться не от известной вам формулы фантазма, $\$ \lozenge a$, а, наоборот, от исследования фантазматических сценариев в анализе и в цивилизации. Это исследование позволит больше узнать о субъекте бессознательного в его отношениях с этим объектом *a*.

Образ, задействованный в означающей структуре

Сценарий, в его кинематографическом значении, — это написанная и детализированная канва, заранее установленная нарезка кадров, которая задаёт структуру фильма ещё до того, как монтаж создаст его версию. Фантазматический сценарий не относится просто к воображению: образ в нём

«задействован в означающей структуре»[1] — согласно определению фантазма, которое Лакан даёт в *«Направлении лечения и принципах его действенности»*, — что позволяет сориентироваться в воображаемых продукциях, например у маленького Ганса.

Итак, фантазм можно понимать — как отмечал Жак-Ален Миллер по случаю выхода Семинара *«Логика фантазма»* — сначала как одинокую грёзу, грёзу наяву, порой с оттенком утешения; затем — «как средство наслаждения — тоже одинокое»[2]. Здесь образ, слово, фраза, сценарий находятся в распоряжении субъекта и служат опорой для мастурбации — сексуальной активности, которой Фрейд уделил особое внимание и которая изменилась с появлением порнографии. Есть и третий смысл, который уточняет Ж.-А. Миллер и который «более сложен: бессознательный фантазм, так называемый *фундаментальный* фантазм, [который] задаёт рамку всей ментальной жизни субъекта и обнаруживается в ходе лечения»[3]. Эти фантазматические сценарии, переживаемые в одиночку, поэтому с трудом высказываются в анализе — субъект более склонен говорить о своих симптомах. То, что фантазм обнаруживается в ходе лечения, означает, что он относится не только к высказыванию и его интерпретации: для Фрейда он конструируется.

Интересоваться фантазмом — значит прояснять, по ту сторону того, что относится к означающему алгоритму S1 → S2, то, что вытекает из формулы фантазма, $\$ \lozenge a$.

---

1 Ср.: Лакан Ж. Направление лечения и принципы его действенности / Пер. с фр. А. Черноглазова // Международный психоаналитический журнал. 2019. № 8. С. 60

2 Miller J.-A., « Propos sur La Logique du fantasme », La Cause du désir, no 114, juin 2023, p. 69.

3 Ibid.

Охват фантазматических сценариев

Ж.-А. Миллер напоминал на последнем Конгрессе ВАП, что мы можем получить представление о фантазме, как только субъект приходит к нам на встречу. Почему? Потому что нечто в этом фантазме пошатнулось, что и заставляет субъекта обращаться с запросом на интерпретацию. Возьмём пример из начала лечения Человека с Крысами, чтобы увидеть, что охватывает понятие фантазматического сценария.

Человек с Крысами сначала имеет дело с первым сценарием, с перверсными акцентами, — сценарием крысиной пытки, которая производит на него сильнейший эффект. Второй сценарий, столь же фантазматический, — лабиринтный контур долга, который невозможно вернуть. Третий, наконец, разыгрывается на сцене переноса и включает Фрейда через фигуру жестокого капитана. Это, скажем так, *приведение в действие сексуальной реальности бессознательного*. Фрейд внимателен к этому, когда отмечает, что Человеку с Крысами понадобилось «убедиться болезненными путями переноса, что его отношение к отцу действительно включало эти бессознательные чувства [в частности, ненависти]»[4]. Вот почему Лакан может сказать: «Привести пациента к его изначальному фантазму — это не значит чему-то его научить, это значит научиться у него, как делать. Объект a в его отношении к расщеплению субъекта — с этим умеет обходиться пациент, а мы находимся на месте результата — в той мере, в какой мы этому способствуем»[5].

---

4 Фрейд З. Заметки о случае невроза навязчивости [Человек-Крыса] // Фрейд З. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Навязчивость, паранойя и перверсия / Пер. с нем. А. М. Боковикова. М.: Фирма СТД, 2006.

5 Lacan J., Le Séminaire, livre XII, Problèmes cruciaux pour la psychanalyse, texte établi par J.-A. Miller, Paris, Seuil & Champ freudien Éd., 2025, p. 297.

Увиденное мельком и подразумеваемое

С самого начала своего открытия Фрейд интересуется симптомами, связанными с сексуальностью, не пренебрегая тем, что он называет фантазией или фантазмом, что как бы служит опорой этой сексуальности. В *Письмах к Флиссу* он рассматривает эти сценарии в связи со сновидением; он восходит к инфантильным источникам; он отслеживает их как в неврозе, так и в паранойе. Решающим является то, что он соотносит их с желанием, а не в первую очередь с реальностью. Отказ от своей *Neurotica* и в самом деле придаёт фантазму центральное место по отношению к действительной реальности: определяющей становится тогда психическая реальность, в которой смешиваются событие и фантазм[6].

Что касается их инфантильных корней, Фрейд подчёркивает важность услышанного (l'entendu) и увиденного (le vu) в их формировании, предвосхищая два задействованных тут объекта влечения: голос и взгляд. Точнее, эти фантазматические сценарии таят в себе подразумеваемое (sous-entendu), увиденное мельком (entrevu), то есть нечто, выходящее за пределы увиденного или услышанного, — как в фетишизме или в первичной сцене. Эти фантазматические образования остаются фиксированными в ментальной жизни субъекта и с трудом всплывают в рамках сеанса. Интересоваться фантазмом — значит, стало быть, направлять внимание по ту сторону того, что структурирует клинику, а именно симптома. Дополнение последнего выявлением фантазматических сценариев выводит нас на путь отношений фантазма и симптома в их связи с удовлетворением влечения; отсюда название курса

6 Cf. Miller J.-A., « Le Séminaire de Barcelone sur *Die Wege der Symptombildung* », *Le Symptôme-charlatan*, Paris, Seuil, 1998.

лакановской ориентации Ж.-А. Миллера: «От симптома к фантазму и обратно»[7].

Испытание желания Другого

Фантазм вводит нас не столько в вопрос о реальности, сколько в вопрос о том, что может в ней проявиться: желание Другого, а то и его воля к наслаждению. Именно на эту структуру «по ту сторону» — по ту сторону желания Другого, от которого защищается невротик, — указывают тревога фобического субъекта, бегство истерика и умерщвление желания у невротика навязчивости. Желание Другого — это испытание[8], от которого субъект защищается всевозможными фантазматическими сценариями. Истеричка вводит третьего, который сумел бы ответить на это желание Другого, сама наслаждаясь своим собственным неудовлетворённым желанием. Невротик навязчивости предлагает Другому, который требует и, стало быть, желает, спектакль своего желания — невозможного и потому удерживаемого.

Как фантазм спрягается в мужском и в женском роде? Вопрос, открывающий поле любовной жизни, где фаллос отбивает такт пантомим, присущих комедии полов.

Семинар VI станет важной вехой для нашей работы. В нём Лакан производит, согласно Ж.-А. Миллеру, свою первую логику фантазма: «Позже будет Семинар XIV, который будет носить это название — „Логика фантазма“. Эта вторая логика фантазма [...] будет опираться на ту статью [...] „Позиция

7 Miller J.-A., « L'orientation lacanienne. Du symptôme au fantasme et retour », enseignement prononcé dans le cadre du département de psychanalyse de l'université Paris 8, 1982-1983, inédit & Miller J.-A., « Symptôme – Fantasme », *La Cause du désir*, no 114, juin 2023, p. 72.

8 Ср.: Лакан Ж. Значение фаллоса / Международный психоаналитический журнал. № 0.

бессознательного“ [...], которую Лакан комментировал в своём Семинаре XI»[9]. Именно в Семинаре VI фантазм назван фундаментальным, поскольку в его центре — связь субъекта с объектом, здесь ещё объектом желания, а не влечения. Желание Другого — это не Другой, а его нехватка, на которую субъект отвечает — регистром объекта.

Помимо ответов, которые это желание Другого влечёт за собой в терминах невроза, психоза и перверсии, мы схватываем важность функции, которую принимает желание аналитика в направлении лечения. Проиллюстрируем её типичной клинической последовательностью, которую даёт нам Ж.-А. Миллер: всякий терапевтический выигрыш, полученный в отношении симптома, влечёт за собой фантазматическое проявление, в котором для субъекта обнаруживает себя желание Другого[10]. Не указывает ли этот цикл, самим своим движением, на возвращение к точке тупика (impasse) субъекта и на функцию, которую играет в ней желание аналитика, — чтобы найти там проход (passe)?

Всё в том же Семинаре VI, а также в других работах, исходя из положения о том, что пути желания перверсивны, Лакан выстраивает дифференциальную клинику фантазма применительно к перверсии: где либо ищется объект, либо мишенью становятся сам субъект и его расщепление. Проникновение в «садовский будуар»[11] прольёт свет на этическое ниспровержение (*subversion*), которое Фрейд произвёл в отношении наслаждения, а также на клинику различий в судьбе фантазма, которую ещё предстоит разработать, опираясь на

9 Miller J.-A., « Une introduction à la lecture du Séminaire VI, *Le désir et son interprétation* », *La Cause du désir*, no 86, mars 2014, p. 63.

10 Cf. Miller J.-A., « Symptôme – Fantasme », op. cit., p. 75.

замечание Лакана: «Сад не одурачен своим фантазмом постольку, поскольку строгость его мысли переходит в логику его жизни»[11].

Фантазм на месте реального

Фантазм находится в парадоксальной позиции, когда дело касается реального, что Лакан и подчёркивает, говоря о нём как об экране: «именно по отношению к реальному функционирует план фантазма. Реальное поддерживает фантазм, фантазм защищает реальное»[12]. Лакан не говорит «защищает *от* реального», ибо фантазм закрывает и открывает доступ к реальному, где на кону стоит объект влечения.

В Семинаре XIII, обращаясь к художнику Магритту, Лакан выделяет его серию картин, изображающих картину в окне: «Это [...] образ, к которому я прибег, чтобы объяснить, в чём состоит функция фантазма»[13]. Почему? Потому что фантазм есть в той же мере рамка, что и окно, и случай Человека с Волками даёт этому поразительную иллюстрацию. В его жизни сон о волках возвращается трижды, всегда отсылая к этому двойному измерению — рамки и окна. Эта картина в окне иногда защищает от реального, иногда больше от него не защищает: тогда в ней проявляется злая воля. Есть, во-первых, основополагающий сон его детства, в котором один лишь кататонический образ — кататония самого субъекта — фиксирует в двойной раме, образа и окна, угрожающее присутствие, о котором сигнализирует тревога. Позже, в начале лечения у Рут Мак Брунсвик, охваченный приступом паранойи, субъект

---

11 Ibid., p. 778.

12 Лакан Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2004. С. 48. Курсив Э. Зулиани.

13 Lacan J., *Le Séminaire, livre XIII, L'Objet de la psychanalyse*, texte établi par J.-A. Miller, Paris, Seuil, p. 337.

рассказывает другой сон, где ему угрожает стая серых волков. Их разделяет стена, но она в любой момент может быть преодолена. В конце лечения Брунсвик тонко отмечает восстановление равновесия субъективности Человека с Волками через возобновление его занятий живописью, ознаменованное сном, в котором он видит через окно — снова — умиротворённый пейзаж из деревьев, без волка, — пейзаж, который ему хотелось бы написать.

Фантазм — от грёзы до аксиомы, организующей всю жизнь субъекта, через удовлетворение, которое он может ему приносить, порой большее, чем спутник жизни, — находит свою парадигму в том фантазме, который выделяет Фрейд: *«Ребёнка бьют»*. Фрейд раскрывает его эдипову артикуляцию, запертую на замок любовью к отцу, набрасывает грамматику того, что понимает как фразу, и приходит к мазохизму. Лакан многократно возвращается к этому фантазму. Эти обращения Лакана к фантазму ещё предстоит изучить, не упуская из виду чувство стыда, которое сопровождает у субъекта столь трудное признание в этом фантазме. Как дело обстоит с этим сегодня, во времена всеобщего бесстыдства?

Фантазмы в мире

В самом конце Семинара VI слова Лакана о сублимации направят нас в первом направлении — исследовать то, чем искусство обязано фантазму. Он определяет сублимацию как «саму форму, в которую желание выливается», где «влечение может, в принципе, быть сведено к чистой игре означающих. [...] Сублимация [...] — это то, что приравнивает желание к букве. [...] Сублимация как таковая находится на уровне логического субъекта, там, где возникает и разворачивается всё то, что выступает как творческая деятельность в регистре *логоса*. Именно

отсюда проникают в той или иной мере в общество [...] различные виды культурной деятельности, со всеми случайностями и рисками, которые они за собой влекут, вплоть до пересмотра [...] прежних моделей социального конформизма»[14].

Другое направление открывает перспективу на нравы, на способы наслаждаться, которые существуют, — в силу сексуальных отношений, которых не существует: его восполняют всевозможные фантазмы. Так, Ж.-А. Миллер указывает, что «сексуальных норм не существует, но существуют социальные нормы». Однако «там, где есть социальные нормы, есть социальные антинормы, социальные вненормы, которые участвуют в той же системе»[15], — важное уточнение для того, чтобы исследовать в социальном поле то, как «наше наслаждение сбилось с пути»[16], и коллективные фантазмы, которые на это отвечают: безудержный поиск идентичности, где «Другой — это тело»[17]. В той же главе Лакан утверждает, что *«бессознательное — это политика»*, добавляя, что «то, что связывает людей между собой, как и то, что их противопоставляет, мотивированно именно тем, логику чего мы пытаемся артикулировать [...], а именно — фантазмом»[18].

О какой политике говорит Лакан? О политике симптома, который в конце анализа не пересекается — в отличие от фантазма. Пересечь фантазм и, по ту сторону этого, уметь обходиться (savoir y faire) с симптоматическими остатками:

---

14 Лакан Ж. Семинары. Книга 6: Желание и его интерпретация (1958–1959) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2021. С. 524.

15 Miller J.-A., « Propos sur *La Logique du fantasme* », *La Cause du désir*, no 114, op. cit., p. 70-71.

16 Лакан Ж. Телевидение / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2000.

17 Lacan J., *Le Séminaire, livre XIV, La Logique du fantasme*, texte établi par J.-A. Miller, Paris, Seuil & Champ freudien Éd., p. 311.

18 Ibid., p. 317-318.

не завязывается ли конец анализа узлом с «этой заботой о Школе», о которой недавно говорил Ж.-А. Миллер, — в той мере, в какой это *умение обходиться*, этот *синтом*, могло бы быть поставлено на службу Школе?

Перевод с французского / Traduction du français: Дарья Вайнштейн / Daria Weinstein
Сверено с французским оригиналом / Relecture du français: Рузанна Акопян / Ruzanna Hakobyan